

К. РЕХО. Грани массовой литературы

До недавнего времени проблема массовой литературы не была у нас предметом серьезных научных дискуссий. Ее целиком относили к явлениям «загнивающей» буржуазной культуры.- В сборнике статей «Массовая литература и кризис буржуазной культуры Запада», выпущенном в 1974 г., конечно, не было работ, затрагивающих наши собственные проблемы. Теперь же все чаще раздаются тревожные предостережения насчет наркотического характера этого вида литературы, ее разрушительного влияния на развитие культуры. Поток дешевых изданий и бестселлеров, тиражирующих сомнительные ценности и эстетические нормы, может деформировать массовое сознание.

Массовая литература — низкопробное чтение?

Правда, существует и расширительное толкование массовой литературы. К числу так называемых массовых писателей относят как авторов сочинений, рассчитанных на вкусы невзыскательных читателей, так и произведений более или менее серьезной литературы. Массовую литературу отделяют от литературного ширпотреба, придавая ей познавательное значение. Исторические романы в! Пикюля, «Дети Арбата» А. Рыбакова вполне можно рассматривать как произведения массовой литературы такого рода.

На русский язык переведено немало произведений зарубежных авторов, известных на родине как массовые писатели. Одной из са-

мых читаемых у нас книг современных японских авторов является антивоенный роман Гомикава Дзюмпэя «Условия человеческого существования». В районной библиотеке я увидел томик совершенно истрепанный, зачитанный до дыр. Вскоре его списали из-за ветхости. Роман вышел вторым изданием. Все это говорит о том, что массовая литература — явление далеко не однозначное и указывает на специфику этого культурного феномена.

Теория массовой литературы еще не вполне сложилась в современном литературоведении. Относительная новизна и специфика ее формирования и функционирования в литературах Запада и Востока накладывают отпечаток на ее истолкование.

Массовой литературой обычно считают даже не литературу, а низкопробное чтение, ориентированное исключительно на коммерческий рынок. Утверждают также, что она была таковой с самого зарождения и настолько отличалась от подлинной литературы, что уважающие себя критики считали ниже своего достоинства даже замечать ее. И в самом деле, статьи о массовой литературе нет ни в одном из «Словарей литературоведческих терминов», изданном в 1974 г., ни в многотомной «Краткой литературной энциклопедии». Лишь в дополнительном 9-м томе КЛЭ (1978) появляется статья, но целиком негативная, ставящая массовую литературу вне литературного ряда:

«Массовая литература (паралитература, сублитература, китчлитература) — крупнотиражная развлекательная и дидактическая беллетристика 19—20 вв.; является составной частью «индустрии культуры». «Прямого отношения к истории литературы как искусства слова массовая литература не имеет: ее развитие осуществляется как диктуемый рыночной конъюнктурой отбор наиболее «ходкого» литературного товара и серийное изготовление продукции по его образцу».

Статья в КЛЭ появилась в конце 70-х годов, но нельзя не заметить, что такое негативное отношение к массовой литературе наблюдается и по сей день.

Горячие защитники массовой литературы в Японии

Массовая литература сегодня — явление всемирной литературы. Истолкование это-

го феномена требует учета специфики историко-литературного процесса как в странах Запада, так и Востока, а также наличия разных тенденций в его развитии, в том числе и явно противоречивых. В этом отношении представляются весьма поучительными история массовой литературы и специфика ее развития в Японии.

Здесь у массовой литературы есть не только рьяные противники, но и горячие защитники из числа известных литераторов, такие как Одзаки Хоцуки, Ара Масахито — авторы ряда монографических работ о массовой литературе. Престижное издательство «Хэйбонся» выпустило «Библиотеку современной массовой литературы» в 60-ти томах. Имена известных писателей — Кикичи Кан, Накадзато Кайдзан, Есикава Эйдзи — занимают видное место в истории японской литературы XX века.

«Массовая литература для меня загадка,— пишет Одзаки Хоцуки.— Я не нахожу термина, который бы лаконично объяснял все сложности и противоречия, заложенные в ее структуре и характере. Существуют банальные суждения, отождествляющие массовую литературу с низкопробным чтением». Не соглашаясь с этим, японский критик сравнивает массовую литературу с нуэ — мифическим животным с головой обезьяны, лапами тигра, туловищем енота, хвостом змеи и голосом дрозда. Это нечто такое, что не поддается однозначному определению и оценке.

Литература, по типу и целенаправленности близкая современной массовой литературе, возникла в Японии в 20-х годах нынешнего столетия, хотя ее предьстория, как считают японские исследователи, восходит ко времени литературной деятельности Санъютэя Энтё (1839—1900) — мастера «кодана» — устного рассказа городской эстрады.

Ускоренное развитие японского капитализма после первой мировой войны, подъем демократического движения в стране, повышение общеобразовательного уровня населения, создание книжной индустрии — все это требовало литературы, обращенной к широкой массе. Возникают различные литературные течения и школы, противопоставляющие себя элитарной эгобеллетристике «ватакуси сёсэцу», герметически закрытой для массового читателя. И среди них — группа писателей, объявивших себя зачинателями нового литературного направления, именуемого «тайсю бунгаку» («массо-

пая литература»). Критик Накатанн Хироси утверждал в связи с этим в статье «Сущность массовой литературы» (1926), что в литературе Японии произошла «художественная революция». Восторг критики можно понять, если учесть литературную ситуацию тех лет — безраздельное господство эгобеллетристики, недоступной для массового читателя.

В 1920 г. в январском номере журнала «Нихон ити» появилась редакционная статья «Общение массы с искусством и революционизация кодан», ставшая, как считают некоторые исследователи, своего рода манифестом японской массовой литературы. Приведем выдержки из этой статьи:

«Говорят, что русский народ неграмотен, но нет другого народа, который бы так любил литературу и театр. Толстой, Гоголь, Чехов, Тургенев, Островский, Гаршин — все они друзья неграмотных крестьян и рабочих... Их произведения доступны всем, кто знает буквы...

В Японии дело обстоит иначе. Литература — роскошь для избранных. Для ее понимания мало знать письменность, требуется специальное художественное образование... Наши писатели замкнулись в храме высокой словесности и не хотят спуститься на землю... Без литературы жизнь народа не полна. Но современная наша литература — это литература для литераторов, а не для масс. Обращение искусства к народу — это ли не настоятельное требование времени?».

Не трудно себе представить, с каким энтузиазмом встретила японская литературная общественность 20-х годов появление массовой литературы, предназначавшейся не для избранного читателя, а для простонародья, возникшей в результате «вторжения» масс в сферу искусства, бывшую традиционным достоянием элиты.

Таким образом, генезис массовой литературы в Японии иной, чем в Европе, в частности в Германии, где авторы массовой, бульварной литературы, существовавшие бок о бок с Гёте и Шиллером, снискали себе репутацию создателей мусорного чтения¹. В Японии же Кикиути Кан — один из первых массовых писателей — был не только другом, но и литературным соперником Аку-

тагава Рюноске, крупнейшего писателя того времени.

Факты свидетельствуют о том, что массовая литература в Японии отнюдь не бастард, а благородного происхождения, играет немаловажную роль в развитии национальной литературы. И не только Японии. Исследователи литератур тропической Африки, например, также утверждают, что массовая литература «служит в меру возможностей делу просвещения народных масс независимых африканских стран, откликаясь на исторический оптимизм народа...»².

В литературах Востока массовая литература активно взаимодействует с «высокой» литературой, между ними стираются непреходимые грани. Программная статья Екомицу Рини, озаглавленная «О чистом романе» (1935), начиналась словами: «Если возможно для нас литературное возрождение, то я убежден, что путь к нему лежит только через создание литературы, являющейся одновременно и общедоступной, и «чистой», другого пути нет». Считая исторической ошибкой «чистой» литературы ее пренебрежение композиционной структурой произведения, Екомицу выступает за реабилитацию художественного вымысла и фабулы, ссылаясь при этом на роман Достоевского «Преступление и наказание».

Производители и потребители массовой литературы

В поисках путей к массовому читателю многие японские писатели стремятся к созданию романа, не опускающегося до уровня бульварного чтения и в то же время далекого от снобизма избранных. Литературная продукция такого рода получила наименование «промежуточного» или «среднего» между «элитарной» и «массовой» беллетристикой романа, так сказать, ниже первой, но выше второй. Это, по существу, «медиумическая культура», обеспечивающая известную интеграцию всех «публик», всех групп культурного потребления.

Однако нельзя не заметить, что массовая литература с самого начала таила в себе одну опасность — конформизм, приспособляемость к запросам коммерческого рынка.

¹См. Фрадкин И. М. Реакционная массовая литература в ФРГ и судьба культурных традиций. «Идеологическая борьба и современная культура». М., 1972, с. 248.

²Ляховская Н. Д. Комедия Тропической Африки на французском языке каш форма массовой литературы. «Массовая литература в странах Азии и Африки». М., 1985, с. 101.

Выступая против литературы для избранных, говоря о демократизации культуры, массовые писатели создавали некий стереотип особой массовой формы для читателей с низким уровнем сознания. Кикутн Кан считал, что литература для широких масс является предметом досуга, им нужны развлекательные произведения с занимательным сюжетом. Своим читателем он считает человека со средним образованием, а для такого непритязательного читателя художнику незачем стремиться к психологической достоверности характера героя, к постановке проблем, волнующих общество. В творчестве массовых писателей усиливается тенденция превращения искусства в потребительский товар. Серийное производство литературного ширпотреба, разрушая писательскую индивидуальность, приносит огромные прибыли книжным фабрикантам. Не случайно Накадзато Кайдзан, автор одного из лучших массовых романов в японской литературе «Перевал Дайбосацу» (1921), желая отмежеваться от компрометирующей себя массовой литературы, называл свое произведение «дайдэё сёсэцу» — романом «большого колеса», т. е. «возвышенной литературой».

Эпоха «газетного романа»

Послевоенная массовая литература Японии имеет конкретного адресата в лице так называемого «нового среднего класса». В результате научно-технической революции, утверждают буржуазные социологи, произошло размывание как традиционных форм общности, так и социальных групп и классов. Идет процесс «осреднения», стирания классовых противоречий. Главной мишенью и объектом массовой литературы становится в первую очередь этот «новый средний класс», состоящий из служащих и технической интеллигенции, а также рабочей аристократии, для которого печатаются «газетные романы», романы с продолжением.

Каков же социально-психологический облик «нового среднего»? Японские социологи все чаще оперируют термином «потребительская революция». Престижное потребление объявляется моралью человека «эпохи массового досуга». Одновременно отвергается культ Ннномия Сонтаку, служившего в довоенные годы эталоном нравственности, воплощением образа бережливого труженика и аскета. Средства массовой коммуника-

ции создают иной эталон. В качестве «национальной добродетели» рекламируются теперь не бережливость и аскетизм, а неограниченное потребление и чувственная жизнь. Потребитель возведен на пьедестал почета.

Концепция «массового феномена» как толпы одиноких, социально инертных людей, лишенных какой-либо индивидуальности, берется на вооружение писателями, которые специализируются в области литературного ширпотреба. Писательской индивидуальности здесь нет места, автор должен удовлетворить ширпотреб, приспособившись к среднему, трафаретному типу мышления. Ему чужды мировоззренческие вопросы, философская постановка жизненных проблем и тем более социальная критика. Правда, герои иной раз могут «открыто» выразить свой гнев, протестуя против социального зла, но в допустимых рамках. Умеренность — кредо массовой литературной традиции.

«Кровавый бифштекс» и «постная рыба»

Массовый роман избавил читателя от «тяжкого» труда углубленного чтения серьезной литературы. Произведения массовой литературы примитивны по содержанию, их отличает «усредненный» стиль, в них преобладает односторонность в изображении характеров героев. Такие произведения штампуются одно за другим. Творческий процесс мало чем отличается от производства сапог, зонтиков, автомобилей. Слегка изменяя ситуации и придумывая новые эпизоды, Сиба Рэндзабуро довел свой роман «Бродяга Нэмури Кёсиро» до семи объемистых томов. Его собрание «самурайских романов», изданное в 1956 г., составило 20 томов.

В 1987 г. список бестселлеров возглавлял сборник коротких стихотворений танка «Праздник салата». Его автор Тавара Мати — 24-летняя школьная учительница литературы. За год до сенсационного успеха, в 1986 г. Тавара получила премию издательства Кадокава за книгу танка «Утро в августе». Через год она предложила тому же издательству «Праздник салата» и получила отказ: не было уверенности в кассовом сборе. Поэтические книги уже давно не в чести на книжном рынке Японии. Тираж сочинений маститых поэтов не превышает двух-трех тысяч, а, как правило, составляет 700—

800 экземпляров. Издаются эти сочинения обычно на средства самого автора.

Получив отказ от издателя, который всего год назад наградил ее премией, Тавара обратилась в другое издательство — Кавадэ сёбо и... состоялась сенсация: книга появилась на полках книжных магазинов в мае 1987 г., а к концу года она разошлась в двух миллионах экземпляров. Поэтесса стала «суперзвездой». Триумф был настолько необычайным, что критики окрестили ее инопланетянкой.

В чем секрет феноменального успеха Тавара Мати? Название сборника взято из стихотворения:

Это же вкуснятина!
— сказал ты, пробуя салат.
Было шестое июля.
Теперь этот день для нас
— праздник салата.

Одних это стихотворение коробило своей «столовой» лексикой, несерьезностью, другие же, наоборот, сразу оценили раскованность стиха, не подчиняющегося канонам старой поэзии. Именно непринужденная легкость, даже легкомысленность, подкупали читателя. Поэтесса насыщает стихи разговорной лексикой улиц.

В прежние времена понимать красоту означало чувствовать «катёфугэцу» — буквально: цветы, птицы, ветер, луна. Но внимание автора «Праздника салата» привлекает прежде всего шум улиц, и ее герой часто сидит за столиком кафе или заглядывает в витрины магазинов:

На полках
магазинов самообслуживания
созревают помидоры.
Тебе грустно?
Выглядишь печальнее замороженных овощей.

В сборнике Тавары мы не встретим привычной лирики природы, мотивов печали, вызываемой сменой времен года. В основном там стихи о любви. Причем ее любовная танка совсем не похожа на стихи прежних поэтов. Страдание — прерогатива женщины в традиционной поэзии, где часто встречаются слова «слезы», «плач». Героини же Тавары отказываются от такого рода привилегии. В «Празднике салата», куда вошли 434 танка, эти излюбленные поэтические слова-образы не встретились ни разу. Даже

стихи о печали неразделенной любви не оставляют в душе тяжелого-осадка. Уныние, рефлексия чужды настроению ее лирического героя. Нынешние молодые люди хотят беспечной, умеренной жизни, потому предпочитают мясу салат.

Известному писателю Одзакэ Коё принадлежит изречение: «Русская литература — это бифштекс, сочащийся кровью, а японцы любят постную рыбу». Эстетствующий писатель имел в виду острую социальность, мрачность картин в «Преступлении и наказании», заставляющих читателя глубоко задумываться над жизнью. (Это не импонировало ему, однако он не смог до конца противостоять притягательной силе русской литературы — перевел Чехова и Толстого.)

Литературная ситуация в Японии 80-х годов многим напомнила слова Одзакэ Коё, сказанные еще в начале века. Оцудзи Кацухико, например, констатирует, что японцы насытились «бифштексной» литературой, обременительной для их ослабшего желудка. В это самое время им предложили «салаг», и все на него набросились. Словом, настало время малокалорийного салата.

Легкое овощное блюдо — недвусмысленная метафора деидеологизированной литературы. Массовая аудитория желает легкого чтения, не обременяющего ни тело, ни душу.

Какой след оставит в литературе книга Тавары, покажет будущее. Но уже сейчас у нее немало подражателей, особенно среди тех, кто пишет танка для массовой печати, радио и телевидения.

Тотальное наступление комиксов

В список бестселлеров входят самые разные по жанру и тематике книги, вплоть до астрологии. Комикс (манга) Исиномори Сётаро «Введение в экономику Японии» занял четвертое место в иерархии бестселлеров 1987 г., его тираж 1 млн 10 тыс. экземпляров. В Японии наблюдается настоящая мангамания. Манга составляет здесь треть всей печатной продукции.

В академическом словаре русского языка мы читаем: «Комикс — графически-повествовательный жанр, получивший широкое распространение на Западе, — серия рисунков с текстом, образующая связное повествование, обычно приключенческого содержания».

Это определение на сегодня, видимо, уже устарело: комикс популярен и на Востоке,

а его жанровый диапазон не ограничен включениями. Комиксы используются и в качестве учебных пособий. Школьники предпочитают учебникам иллюстрированную книжку с доходчиво написанным текстом. Комикс стал союзником в учебе. В 1984 г. издательство Обунся выпустило серию «Учебные комиксы». Книжные магазины открывают отделы комиксов для школьников и студентов. Бум учебных комиксов стал одной из примечательнейших книжных новостей за 1987 год. Неуклонно взрослеет читатель комиксов. Теперь в моде комиксы для взрослых. Расширяется и тематика. В 1986 г. издательство Сюэйся выпускает комикс «Всемирная история» в 16-ти томах, а Тюокоронся — «Историю Китая» в 12-ти томах.

Конечно, становится смешно и досадно, когда берешь в руки комикс, изданный в 1977 г. по мотивам «Преступления и наказания» Достоевского. На его цветной обложке милостивый юноша в студенческой фуражке размахивает огромным топором. Можно ли передать в серии примитивных рисунков полифонию романа Достоевского?

Однако было бы ошибкой вовсе пренебречь комиксом, заранее исходя из того, что это несерьезный жанр. Комиксы как доходчивая форма для восприятия стали использоваться — и порой не без успеха — для передачи наиболее сложных по содержанию произведений. Так, в Японии издан комикс по «Капиталу» К. Маркса. Серия рисунков с текстом популярно объясняет, например, закон прибавочной стоимости. Не считается с этим нельзя, если к тому же учесть, что японские рабочие проводят, как указывает статистика, за чтением комиксов треть своего свободного времени. Функции и сфера применения такого рода изданий постоянно расширяются. В высших художественных училищах Токио открылись отделения комиксов.

Удел «серьезной» литературы

Обозревая японские бестселлеры последних лет, нельзя не заметить, что произведения выдающихся писателей прошлого и настоящего уже давно не входят в число самых читаемых. В 1987 г. вышел роман Оэ Кэндзэбуро «Письма к милым ушедшим годам», над которым писатель работал восемь лет. Герой романа — сам автор, выступающий в двух лицах: молодого писателя и брата Ки. Последний считает своей любимой книгой

«Божественную комедию» Данте, которая указывает человечеству путь к спасению. Обращение автора к теме христианства связано с его убеждением, что выживание человечества возможно тогда, когда все мировые религии — христианство, иудаизм, ислам, буддизм — найдут взаимопонимание не только между собой, но и с миром неверующих. Роман ставит кардинальную проблему спасения души в наш ядерный век.

Многослойное содержание романа требует вдумчивости, серьезного чтения и анализа. Может быть поэтому он и не стал бестселлером. Конечно, писатель имеет своих постоянных читателей среди японской интеллигенции, придающей большое значение активности художественной рецепции, способности воспринимающего к критическому анализу прочитанного.

Примечателен опрос, произведенный журналом «Бунгакай» среди 53 писателей и критиков. На вопрос: Какие произведения японских и зарубежных писателей, изданные в 1987 г., вы считаете лучшими?— 14 человек назвали «Письма к милым ушедшим годам» Оэ Кэндзэбуро, один — «Праздник салата»

«Совместное творчество»

При изучении массовой культуры важно иметь в виду не только всевластие коллективных стереотипов, но и способность аудитории к трезвому анализу факторов, к сопротивлению массивному воздействию извне. Возрастает активность аудитории, ориентирующейся не на чужие мнения, а на устойчивость взглядов составляющих ее индивидов. Устанавливается обратная связь — реципиент влияет на коммуникатора. Массовая литература в своем идеальном выражении, как отмечает Одзак Хоцуки, есть «совместное творчество писателя и читателя»³

Во второй половине 50-х годов, когда усилилась деградация массовой литературы, в Японии возникло даже движение за переименование этого «обесчещенного» феномена и возвращение «тайсю бунгаку» изначального облика.

«Не могу молчать»,— пишет Накатани Хироси в связи с тем, что массовая лите-

³ Одзак Хоцуки. Тайсю бунгаку рон (О массовой литературе), Токио, 1965, С. 371

ратура, которая была «революционной вехой» в истории японской литературы, все более и более опошляется, превращаясь в чистую коммерцию. Критик призывает писателей «отмыть ее тело от грязи низкопробной бульварной литературы»⁴ с тем, чтобы возродить ее и превратить в кредо художественного просвещения масс.

Примечательно, что в последние годы появляются писатели, которые не только не отчуждаются от массовой литературы, но и считают ее конструктивным компонентом современного романа. В одном из своих выступлений по случаю завершения «Священной комедии» (1980) Оониси Кёдзин подчеркивает, что средствами эгобеллэтристики нельзя создать роман о войне, и добавляет, что был рад, когда критика увидела в его романе признаки массовой литературы, т. е. произведение о милитаризме для демократического читателя. Доступность романа для широкой аудитории достигается отнюдь не за счет снижения его идейного и художественного уровня. В центре повествования находится типичный интеллектуальный герой — Хигасидо, который наделен

природной способностью логического мышления. Созерцанию вещей автор противопоставляет аналитический подход к предмету, вместо излюбленного традиционного приема недосказанности, предполагающей ассоциативный контекст, писатель стремится к логической законченности и ясности изображения.

Ежегодные данные о читательском спросе и читательских предпочтениях хотя и не являются мерилom, определяющим критерий ценностей, но они дают возможность понять современные тенденции массового чтения в Японии. Читатели предпочитают произведения, которые сочетают «занимательность» и «серьезность» как в области содержания, так и по форме. Игнорировать этот факт, пройти мимо него уже невозможно. Не случайно вокруг массовой литературы разгораются горячие споры.

Массовая литература — явление далеко не однозначное, требующее комплексного изучения как генезиса, так и весьма противоречивых тенденций ее развития в различных национальных литературах. Для определения понятия этого феномена необходим учет всего многообразия опыта всемирной литературы.

⁴Накатанц, Хироси. Возникновение и развитие массовой литературы. «Бунгаку», 1957, № 12, с. 52.